

В сентябре 1994 года мы, наконец-то, выбрали время посетить резервацию индейцев навахо в штате Аризона США. Я давно мечтал об этом и, впоследствии, был во многих резервациях в других штатах, но эта поездка была первой. Сегодня все сведения о резервациях можно легко найти в интернете, включая визуальные туры, а тогда мы ехали в неизвестность и сами слова – индейцы, навахо звучали, как взятые из вестернов о Диком Западе.

Долетев до столицы штата Феникса, взяли в прокат новенький «Форд Фокус» и вскоре выехали на автостраду. О системе навигации тогда еще никто не слышал, поэтому я с разложенной на коленях картой был «за штурмана». За окном была Америка, которую мы еще не видели. Бурые проплешины выжженной земли, с редкими кучами невысокой юкки, сменялись нагромождениями камней, причудливыми скоплениями разнообразных кактусов с преобладанием опунций. Темно и буро-зеленые столбы карнегий довершали пейзаж пустыни, а разрушенные католические миссии с темными провалами звонниц создавали впечатление декораций к ковбойским фильмам.

После захудалого типичного городка американской глубинки Холбрука шоссе резко повернуло на север. Пейзаж заметно сменился – вокруг пустыня красно-оранжевого цвета с багровыми скалами на горизонте. «Красноцветные песчаники» машинально отметил я. Изредка мелькали полувисохшие водоемы, окруженные чахлой зеленью и невысокими деревьями. По-прежнему было очень жарко, не менее + 35 по Цельсию.

После предъявления документов, пересекли границу резервации. Стражи порядка удивились, увидев, что мы русские и поинтересовались, не могут ли они купить у нас «деревянную русскую бабушку». Ко всеобщему веселью и удовольствию мы подарили им одну из предусмотрительно захваченных с собой матрешек и двинулись дальше. На границе резервации к нам присоединился переводчик – индеец со сложно произносимым именем, попросивший называть его Том. Это был достаточно высокий и стройный мужчина лет 35-ти с длинными черными, падающими на плечи волосами, и открытым взглядом больших глубоко посаженных темных глаз. Прямо скажем, словоохотливостью он не отличался, отрезав, что не гид, а только переводчик, если мы захотим поговорить с индейцами.

Проехав еще часа-полтора мы остановились на чистенькой заправочной станции с обязательным мини-магазином и туалетом. Тут наш спутник удивил, сообщив следующее: «Через 10 миль начинается территория округа апачей. В стороне от автострады живет старый индеец из этого племени, на которого стоит посмотреть, а если повезет, то поговорить».

Том предупредил нас, что там, где живет старик, магазина нет, а мы должны что-нибудь купить для него. По совету Тома купили 5 бутылей воды в галлонных упаковках (3.6 литра), копченый бекон, красную и белую фасоль, кукурузные лепешки, пять связок дров.

Как и обещал Том, через несколько миль после указателя, говорящего, что мы въехали на территорию апачей, свернули на вполне сносную грунтовую дорогу. Том рассказал, что живущий в деревне старик является последним из племени койототерос-апачи, малочисленной ветви некогда могучего племени. Тотемный знак – Койот и основной дух – Дух Койота. Имя старика переводится примерно как «Тот, кто стережет» и он охраняет тень Духа Койота.

Вскоре въехали в деревню – несколько полуразвалившихся хижин, сложенных из грубо отёсанного камня, хаотично разбросанных на плохо выровненной каменистой площадке, поросшей местами щетинистой травой. Перед одним из строений виднелась сгорбленная сидящая фигура. Том приветствовал старика несколькими фразами. Тот молча поднял вверх правую руку. Мы несмело подошли. Сидящему человеку было, по меньшей мере, лет 100! Его лицо цвета обожженной глины прорезано сетью морщин, сплетающихся в причудливый узор или древнюю карту дальних странствий. Снежно белые, на удивление еще густые волосы были собраны на затылке в длинный пучок. Одет в вытертую безрукавку из шкуры зверя, от которой сохранилось несколько ошметков шерсти бурого цвета, и такие же короткие штаны. Поверх этого, несмотря на жару, он накинул на себя одеяло, бывшее когда-то полосатым. Руки и ноги бурого цвета напоминали кости, обвитые скрученными узловатыми жилами.

Меня поразило, что кисти рук почти полностью погружены в пепел костра, казалось еще недавно горящего перед ним. Том ответил, что старик благодарит нас за продукты и сегодня на закате попросит Духа Койота оберегать нас на нашем пути. Мы спросили: сколько индейцу лет? Помолчав, старик ответил звучным голосом: «Почему ты не спрашиваешь, сколько лет ветру, этим камням или грифу в небе? Человеку столько лет, сколько знает его память, хранит то, что видел, что слышал от родителей и что завещано предками. Человек умирает, когда умирает его память или когда никому не интересна его память...»

Старый индеец замолчал. Том сказал, что старик устал, но мы можем задать еще один вопрос. Спросили, знает ли он про Винету – легендарного вождя апачей? Ответил, что никогда не слышал про такого вождя, но память его хранит рассказы о вождях Кочисе и Мангасе Колорадо. (Позже мы узнали, что Винету это вымышленный образ благородного вождя апачей, не имеющий ничего общего с истинными именами вождей.)

Собрались уезжать, как вдруг Том не скрывая удивления сказал, что старик хочет что-то сказать мне. Индеец впервые поднял полузакрытые глаза: «Белый человек. Придет время, ты тоже положишь свои руки на пепел твоего последнего костра. Ты увидишь много людей и народов, говорящих на непонятных мне языках, но нигде ты не найдешь своего дома. Когда твои волосы станут как мои, ты придешь к началу пути и обретешь, может быть, дом и семью, о которой мечтал. Никогда не бойся смерти, хотя она добрая, избавляет от страданий, но я знаю, что мы все любим жизнь. А теперь иди – еще долго тебе идти по тропе жизни».

В машине Том сказал, что никогда не слышал, чтобы старик разговаривал с кем то.

Вскоре въехали в Чинли – типичный городок Запада с гостиницами, кучей сувенирных лавок, продающих индейские поделки (и, разумеется, подделки). Переночевав, распрощались с Томом, и в составе шумной группы туристов отправились в Каньон Де Шей, величественные скалы и водопады которого на некоторое время отвлекли меня от прошедшей встречи с индейцем. Особый интерес представили руины куполообразной формы, сложенные из довольно хорошо отесанных и плотно при-

гнанных друг к другу камней. Гид объяснил – никто не знает, что это был за народ, живший здесь задолго до индейцев и какова его судьба. «Индейцы называют их – те, которые ушли» – добавил он.

Вместо послесловия

Я родился в России в родительском доме на берегу озера и все хорошее, что было и остается во мне, имеет истоки оттуда. Я видел много стран и народов, говорящих на разных языках, и тщетно искал тот единственный дом, в котором тебя любят и ждут.

С 2005 года я живу в доме на берегу озера, в том доме, который я искал всю жизнь и не находил. Рядом с любимой женщиной в этом доме повзрослели наши дети, выросли внуки. Память об этом не дает нам уйти, помогает пережить старость и сопутствующие ей болезни. Но как об этом мог знать старый индеец, последний из рода койототерос-апачей?

Каждый день мы молча, иногда подолгу, глядим на озеро, словно надеясь вернуть что то навсегда ушедшее или хотя бы на миг остановить неумолимое время...

И еще. Я живу в Америке без малого 24 года. Много раз сам себе и многим другим задавал вопрос: «Что такое Родина?» И мне кажется, самый правильный ответ на этот вопрос дает Порфирий Иннокентьевич из моей повести «Крест на высоком берегу». «Земля и Родина, стало быть – это дом твой молитвою крепок, да семья твоя, да детишки...»

*Декабрь 2021 г.
США*